

Новоселье

Вот и новый дом. Непривычно, конечно, но могло быть и хуже. Намного хуже. Одинокая изба посреди огромного дремучего леса, большой двор, банька, сарай, хлев для скотины. Одним словом, доброе хозяйство. На много километров ни одного города, только далеко, на опушке, расположилась небольшая деревенька. Благодать. То что надо.

Жаловаться было грех. Пафнутий просто скучал по родному дому. Дому, которого больше нет. Как-никак, прожил там сотню лет. А может, и больше. Проклятая цивилизация, как говорил сосед Кузьма, добралась и до них. Избу снесли, вокруг все перерыли, понагнали страшных железных мордovorотов и давай строить каменные душегубки в несколько этажей. Им с Кузьмой предлагали там остаться. Говорили про какой-то комфорт, про счастье. Только счастье такое для бездельников и дармоедов: знай присматривай за хозяевами да лежи-отдыхай за печкой. Да и где лежать, печей-то там нет. Вот тебе и комфорт. Кузьма согласился, он неприхотлив. Стар уже, ничего не надо, лишь бы угол был какой-никакой. А Пафнутий не устал, лоботрясом не был, так что комфорт этот не про него. Хотел Пафнутий жить, а не отдыхать - вести хозяйство, ухаживать за скотиной, как настоящий домовой. Кем он, собственно, и был. Что за дрянь такая, эта цивилизация? Много нечисти повидал, но эта - хуже войны.

Пафнутий шел не таясь. Попасться кому-то на глаза не боялся. Место глухое, людей нет, да и ночь на дворе, спят все давно. Прежде чем войти в избу, осмотрелся, побродил по двору, присел у поленницы, подышал. Эх, воздух здесь хороший, природа.

Понравилось Пафнутию место. Оценил наконец, размялся. Радостно так стало. Просидел и не заметил, как рассвет занялся. Скоро петухи пропоют, хозяева проснутся, пора в дом. Поднялся, поплелся вразвалочку - да чуть за углом с хозяином нос к носу не столкнулся. Понесла его нелегкая спозаранку. Не спится. До ветру пошел. Пафнутий еле в кошку успел обернуться.

В сумерках да спросонья, Степан ничего не разглядел. А если и разглядел, то не понял. Только кошка незнакомая по ногам теранулась, замурлыкала, мякнула что-то. Нагнулся, погладил.

- Ты откуда такая, приبلуда? Не видел тебя раньше. Ну ладно, коли пришла - заходи, - приоткрыл дверь, кошка нырнула в темноту, а сам отправился дальше, по своим делам.

Степан был мужик одинокий, не старый еще. Всю жизнь прожил здесь, лесником, как дед и отец. От отца досталось хорошее хозяйство. Когда есть огород, скотина и руки откуда надо растут, ничего больше и не надо. Все свое, своими силами - и мебель, и

продукты, а чего не хватало, то докупалось. Женился Степан на Анюте из местной деревни. Всякое бывало, но жили дружно, душа в душу. Изредка выбирались в город: за зарплатой, вещами закупиться, погулять да в кино сходить. Жизнь шла своим чередом. Размеренная, неторопливая и счастливая.

Овдовел Степан рано. Дочке и двух лет не было. Простудилась Анюта, слегла. Фельдшер местный говорил про пневмонию. Отвезли ее в городскую больницу, там и померла.

Остался он с Лесей вдвоем. Сложно было. Растил, души не чаял, баловал. Выросла девчонка ладная, добрая. Отца любила, по хозяйству помогала. После школы в столицу учиться уехала, да там и осталась. Приезжала сначала на каникулы, скучала, часто созванивались на почте. Потом все реже и реже. А теперь разве открытки отцу шлет да письма. Их только Степан и ждет, дни считает. Почтальон сюда не доходит, вот и мотается сам на телеге чуть ли не каждый день в деревню. А вдруг Лесенька что написала? Съездит, с мужиками пообщается. А письмо получит - не нарадуется, до дыр перечитывает. Так и живет, ведет хозяйство, но скорее по привычке, не умеет по-другому, да и дни так идут быстрее.

Встретил Степан кошку, настроение поднялось на весь день. Хорошая примета, когда животные в дом сами приходят. Особенно кошка. Старики говорят, в кошку домовая оборачивается. Встретил его - к удаче. Может, Лесенька наконец-то приедет? Чует сердце, приедет.

Хозяин Пафнутию понравился сразу. Добрый, открытый, весь как на ладони. Животину любит - тоже хорошо. Поладим, точно поладим. Только груз какой-то на сердце у него. Тянет, мучает, жить спокойно не дает. Ждет чего-то, только тем и жив. А мужик видный, хозяйство ведет, не пьет – непонятно, чего один-то? Не успел толком домовую хозяйина рассмотреть, ну ничего, сейчас вернется - и все понятно станет. Могут так домовые: в глаза посмотреть и жизнь как книгу прочитать. В душу глянуть, в сердце побывать - что за человек, чем живет, чем дышит.

Весь день Пафнутий за печкой просидел. Привыкал, думал. Прибрался у себя в уголке, расставил все как надо. Все по-тихому, чтобы хозяйина не пугать. День - не время для домового, негоже на глаза попадаться. Ночью все дела делаются. Пару раз выбегал кошкой, огляделся, так Степан сразу молочка плеснул, приласкал. Хорошо дома, чистенько, а с домовым теперь и уюту прибавится.

Ночью, как только хозяин улегся, решил осмотреться. Надо же свою делянку знать. Где что, откуда беды ждать, да и соседей посмотреть. А еще ведь и живность есть - кому

овса подкинуть, кому зерна, поговорить с кем, гриву расчесать. Скотина, она тоже ласку любит, внимание, оттого и добрее будет к человеку, послушнее.

Вышел, животину подкормил. Не удержался, заплел пару косичек в гриве у лошади, Зорькой кличут. Ох и хороша кобыла. Высокая, справная, так и хочется прокатиться. Глянулась она ему. Вернулся в дом, за печку. Прилег. Скоро рассвет, а не спится. Беспокоит что-то, будто в доме кто не спит. Выглянул. Степан сопит себе, дрыхнет, как дитя. Чужой в доме? Стук странный. Показалось. Нет, вот опять. Всмотрелся в угол - шевелится что-то, будто сама тьма ворочается. "Ну, вот и соседи, - подумал домовый, - вот и свиделись!"

- Эй! Ты чего здесь делаешь? Откель взялась? А ну пшла, вон отседа! Тебя мне здесь не хватало, - Пафнутий уже выбрался из-за печи и стоял нахохлившись, по-хозяйски подбоченясь. - Ох и терпеть не могу я вашу породу!

- Тише ты, баламут. Хозяина разбудить не боишься? Горлопанит тут. Ты кто вообще такой? - темнота говорила скрипучим голосом, постепенно рассеиваясь и превращаясь в корявую, тощую фигуру со всклокоченной головой.

- Это я кто? - Пафнутий осерчал не на шутку. Только поселился, обустроиться не успел, а уже лезут всякие, хозяйничают. - Кикимора, она кикимора и есть. Ты че, не чуешь, домовый здесь, куда прешься?

Кикимора немного скукожилась, вроде как рассеялась, прозрачной стала, и вдруг - раз, стоит уже рядом. Вдвое выше, в грязных лохмотьях, нагнулась так, чтобы лицом к лицу. Страшная, глаза навывкате и воняет тинной, Пафнутий аж поперхнулся.

- Ты откуда такой? Шел бы ты взад, откуда взялся, - говорит, а сама в глаза смотрит, ручищи костлявые тянет. В глазах у Пафнутия потемнело, поплыло все, тело ослабло.

- Сгною, изведу, а дом не отдам, - не шепчет, уже хрипит в лицо обмякшему домовому, а он ничего поделать не может. Гонит она его из тела, гонит, оболочки лишает. Еще немного, и станет обычной тенью, призраком, что людей пугает. Потерял сноровку, залежался на печи. Да где это видано, чтобы в собственном доме, где силищи хоть отбавляй, домового какая-то рвань болотная изничтожила? Не бывать! Собрался Пафнутий, вскинул руку, ударил волной воздуха. Сильно так, от души. Кикимора не ожидала, не успела отскочить, жабой обернуться. Шарахнуло об стену так, что вся утварь посыпалась: чарки, половники, картинка какая-то, а кикимора грязным тряпьем рухнула рядом. Перестарался, аккуратней надо быть.

Степан вскочил: взъерошенный, испуганный, глазищи бешеные. Впопыхах пытается зажечь лампу, из рук все валится. Спohватился домовый, глянул в угол - тряпье исчезло. Сбежала, значит. Снова обернулся кошкой и ходит среди половников с виноватым видом.

- Ты что творишь, окаянная? Я чуть в портки не наделал! - Степан носился по дому, не зная, за что взяться. Сел на кровать, встал, опять побродил. Вышел на улицу, снова зашел. Стал собирать посуду. Бубнит что-то под нос, ругает на чем свет стоит бестолковую кошку. Пафнутий рядом крутится, мурлычет, об ноги трется, а самого смех разбирает - больно забавный хозяин, когда всполошится. Да и хорошо так домовому стало, загордился собой. А как же, защитил дом, справился, хоть и сам чуть не сгинул. Но она вернется. Ох, не сдастся она, не оставит так просто дом. То ли еще будет.

Мокша шла по лесу, чуть не рыдая. Давно с ней так не обходились, давно не швыряли об стену. Точнее, никогда. Нескладная, кривая, тощая фигура брела среди деревьев, потрясая кулаками и размахивая костлявыми руками. Иногда останавливалась, топала, колотила по какому-нибудь дереву и ругала, обзывала проклятого домового, появившегося ниоткуда, страшными словами, призывала на его голову разные гадости, обещала скорой и ужасной расправы. Только пришел, а уже командует, выделяется. Тьфу, принесла нелегкая.

Давно Мокша облюбовала эту избу, а других поблизости и не было. В деревню путь неблизкий, идти лень, да и родное болото все дальше. Родным Мокша называла его только так, по привычке. Не любила она его, даже ненавидела, хоть и зависела от него, черпала силы, как домовый от дома. Жить в противной вонючей жиже не хотелось, но и поделать ничего не могла, а тут - сухо, чисто, уютно. Кикимора навевалась сюда уже много лет. Помнила, как нынешний хозяин Степан еще агукал в люльке. Да что там Степан. Помнила его деда, ползающего с голым задом по полу с дудочкой во рту и везде сующего свой маленький любопытный нос. Все это Мокша видела как сейчас, но никак не могла припомнить, был ли в этом доме когда-нибудь домовый. Ну и хорошо, что не было, иначе не ходить бы ей сюда, а сидеть в тухлой воде, пугать лягушек. Докажи, что ты спокойно и тихо ведешь себя, не мешаешь, а просто хочешь посидеть в тепле и пряжу попрясть. Да он и слушать не станет, долбанет об стену и выгонит на все четыре стороны. Вот как сегодня. Домовые они такие, не терпят чужих. Особенно кикимор.

Мокша была кикиморой необычной, даже странной. Не хулиганила, хозяев ночами не пугала, посуду не расшвыривала и муку с солью не мешала, как любили делать остальные кикиморы. Можно сказать, заменяла домового. Прибиралась иногда, присматривала за домом, когда хозяев не было, нечисть разную проходящую отгоняла, да и людей лихих отпугивала, в общем, была очень даже приличным сумеречным. Да и злобствовала нечасто. И что так на домового надела, стала душу вытрясать? Одичала, что ли? А он теперь у себя дома, что ему еще оставалось, пришлось, конечно, от нее

отбиваться. Эх-х... Делов-то натворила... Все равно обидно. Мокша дулась уже только по привычке, для порядка. Думала уже извиниться. Давно ни с кем не говорила, тяжело одной, а тут, может, поболтали бы. Хотя, дружить с домовым... Нет, не выйдет. Лес глухой, люди заходят редко. Из своих только леший Путята, да и тот какой-то полоумный. Сидит у себя в дупле, глаза горят. Ни с кем не общается, только лупяшками хлопает и лопочет что-то по-своему, видать, с деревьями разговаривает. Тоска тут, хоть волком вой.

Кикимора почти дошла до дома. Болото, конечно, противное, вязкое, но все же свое. А другого ничего теперь и нет. Пыталась когда-то Мокша создать здесь подобие уюта. Вырыла на дне ямку, да так хитро, что воды и жижи там почти не было. Получилась берлога. Или землянка. Не так хорошо, как в избе, но и в трясине не прозябаешь, как какой-нибудь водяной. Стены выскоблены от всякой мерзости, облеплены глиной. Вход, навроде занавесок, украшен болотной ряской. Даже пеньков у Путяты выпросила и сообразила стол со стулом. А чтоб красивее было, Мокша таскала разные цветочки да кустики. Неплохо вышло, по-домашнему, но все равно воняет. Болото все-таки.

Только успокоилась, к трясине подошла, нырнуть хотела - чует, не так что-то. На болоте чужой был. Дух вокруг совсем незнакомый. Запахов таких тут отродясь не было. А зловонит знатно, как смерть прошла. И следы кругом. Странные, таких давно не видела. Топтались на одном месте, будто искали что-то. Такие следы только самая мерзость оставляет. Та, что сдохла давно и вернулась. Откуда только повылазили. Надо изводить, а то житья совсем не будет. Только одной ну никак не справиться.

Выбрались на охоту в кой веки раз. Отдохнуть от жен, от городской суеты, от душных, до тошноты надоевших офисов. Влад и Сергей брели по лесу, довольные выпавшей чередой праздников. Нечасто удастся съездить на природу. То на работу в выходные, то по дому что-то сделать, а тут решили: "Плюнем на все и поедем!" Плюнули и поехали. Машину оставили на опушке. Места дикие, безлюдные, взять некому. Теперь шли вдвоем, вдыхая свежий воздух, об охоте и думать забыли. Хорошо в лесу. Идут, ищут, где бы посидеть, перекусить: выпить-то на природе, оно вдвойне приятно, да и ноша стеклянная тянет, а охота подождет. Идут с открытым ртом, головами вертят. Налюбоваться, надышаться не могут - и не замечают, что среди деревьев за ними наблюдают бесцветные, прищуренные глаза.

Кое-кто тоже вышел на охоту. И не для того, чтобы отдохнуть, а просто хотелось жрать. Широкие ноздри шумно, со свистом, втягивали воздух. С мощных, выпирающих челюстей тянулась густая мутная слюна. Маленькие заостренные уши подергивались с каждым шорохом. Два упыря нервно высматривали добычу, следили за каждым движением

и пока решали: просто набить брюхо или размяться? Поиграть с добычей или сразу сожрать, унять пустой, глухо ноющий желудок?

Влад от неожиданности подскочил на месте. Мимо, сквозь кусты с треском продирался какой-то зверь.

- Что это? - Серега уже скинул ружье и тревожно озирался. Влад в ответ только пожал плечами. Ребята струхнули, скучковались спина к спине.

- Может, кабаны какие? Выбежит - сразу стреляй, а то с ног собьет, - лицо Влада покрылось испариной, коленки предательски тряслись. Топот и треск раздавались все ближе. Кто-то бегал по кругу, сокращая радиус.

- Вон он! - Влад судорожно ткнул пальцем куда-то в сторону. Из кустов вырвалось нечто серое. Серега только поднимал ружье, когда существо прыгнуло и на лету, с хрустом вонзило клыки в горло. Секунда - и охотник упал замертво. А тварь уже рвала его на части, с чавканьем и урчанием отрывала зубами огромные куски, помогая руками заталкивать их в пасть. Влад выстрелил, промахнулся, с воплем бросил ружье и побежал. Навстречу ему выскочил еще один, прыгнул. Парень оступился, тварь промахнулась. Влад рванул в другую сторону. Упырь скакал на всех четырех, не отставая.

Дыхалки уже не хватало, ноги не слушались, сапоги казались свинцовыми, а тварь то и дело норовила вцепиться, отхватить кусок побольше. Влад чувствовал ее дыхание, слышал, как клацают челюсти у самой шеи, брызжа слюной. Споткнувшись, он кубарем полетел с пригорка и угодил прямо в воду – кругом тянулась топь. С усилием поднялся и, задыхаясь, пошел дальше от берега в надежде, что эта дрянь не пойдет за ним.

Каждый шаг давался все труднее, ноги вязли в трясине, а тварь и впрямь осталась на суше и теперь носилась из стороны в сторону. "Не возьмешь", - мелькнуло в голове. Влад рывками двигался вперед, погружаясь все глубже. Упрямо, из последних сил, боролся с вонючей жижей, но трясина затягивала и затягивала, подступая уже к лицу. Отчаяние накрывало, душила усталость, не давая даже закричать – а хотелось, во все горло. Не звать на помощь, а кричать – от безысходности, оттого, что все так нелепо, что больше ничего не оставалось. Грязь уже набивалась в ноздри, заполняла рот, лезла в горло. Вскоре Влада накрыло с головой, и потревоженная ряска стала медленно обступать оставшиеся на поверхности мутные пузыри. Последним рывком из трясины вытянулась рука, попыталась за что-то схватиться, обмякла и пропала. А тварь уже бежала по лесу, спешила, надеясь успеть дожрать единственную добычу.

Степан колол дрова, когда из леса раздались вопли с выстрелами. Громкие, отчаянные.

- Медведь кого дерет? - Степан рванул в дом, схватил ружье. На ходу заряжая, побежал к болоту.

Забеспокоился Пафнутий. Сначала звуки страшные из леса, теперь хозяин с бешеными глазами влетел в дом, как душегуб. Сорвал со стены ружье, схватил патроны и убежал. Ой, не к добру. Пафнутий впервые за долгие годы испугался. Не за себя, за хозяина. Только вселился, а тут на тебе. И кикимора, и еще вот не пойми что. Не хотелось жить спокойно - так на, получай.

Предчувствие было тягостное. Должно было что-то случиться. Беда с утра стороной ходила, витала в воздухе, да так и не обошла. Выбежал Пафнутий за хозяином, помчался следом. Нельзя одного его пускать, нельзя. Налетел со всего маху на кикимору, даже не понял, что случилось.

- Что, домовый, почуял? - кикимора выглядела уже не так, как ночью. Перед Пафнутием стояла низенькая, согбенная старушонка с круглым лицом.

- Опять ты! Что наколдовала? Уйди, не время, потом разберемся!

- Дурачина. Тебя хотела предупредить...

- О чем?

- Упыри в лесу.

- Ух ты! Откуда? - Пафнутий от неожиданности так и сел на землю.

- Ну, чего расселся, гачи вытянул? Бежим давай, а то сожрут Степана твоего.

Бросились за Степаном – по кустам, окольными путями, но из вида не выпускали.

Хоть и чудно смотрелась кикимора в образе старушки, лихо скачущей через ямы да коряги, Пафнутию было не до смеха. Шутка ли, с упырями столкнуться? Ни разу с ними не встречался, да и не хотел: много слышал, опасные это твари. Упырями колдуны оборачиваются и люди, мучительной смертью погибшие.

Видел как-то давно, как хоронили в деревне. Засуха была, посевы зачахли, скотина передохла. Много людей тогда от голода на тот свет ушло, много домовых осиротело, в пустых избах остались. Не пожелал бы Пафнутий такого никому, даже кикиморе. Горе, страх, люди негодуют, виноватых ищут, кто небо разгневал. Гостинцев собрали, отнесли старой ведьме, совета спросили. Ведьма знала, что делать. Людям нужен тот, на ком злобу сорвать, печаль выместить. А засуха сама пройдет. Ткнула корявым пальцем в кузнеца, не подумавши: "Вот он, - говорит, - колдун! Душу продал. От него все беды". Тут же подняли кузнеца на вилы, без разбору. Подняли громко, с визгом, с улюлюканьем. Никто не помянул его доброты, как в помощи не отказывал, как топоры да косы правил.

Федотом кузнеца звали. Пафнутий его имя навечно запомнил, то был его первый дом, первый хозяин. И жену его, Василису, запомнил, и детей, Митеньку и Васютку. Всех троих в хлеву сожгли, чтобы прощения у Бога вымолить. Запомнил, как хоронили их, что собак, в овраге. Порезали сухожилия у колен, чтобы не шатались, значит, после смерти.

Насыпали пшеницы каждому: пусть считают крупу до самого страшного суда, коли упырями обернутся. Боялись мести после смерти, ох как боялись. Хорошо это запомнил Пафнутий. Как сейчас перед собой видел. Страшно было, и поделаться ничего нельзя. Возненавидел тогда людей, осерчал сильно. Долго никому в доме житья не давал. Ныла душа, покоя не давала. Дом тогда сожгли, нехорошим назвали, а Пафнутий долго еще дикарем скитался. После этого в деревне люди стали пропадать. Говорят, упырей в округе видели, будто четверо их и держатся все время вместе, всю деревню они извели, никого не оставили.

Степан давно так не бегал. Ладно бы только выстрелы, но вот крики... Стрелять могли охотники, хотя давно сюда никто не забредал. Но чтобы человек так орал истошно, никогда не слышал. Что-то случилось. У болота Степан остановился, перевел дыхание, прислушался. Вроде тихо. Опоздал? Какая-то возня на поляне, сквозь деревья не разглядеть. Двинулся дальше, осторожно, стараясь не шуметь. Подошел с подветренной стороны, чтобы не учуял кто раньше времени. Ружье в руках, мускулы напряжены, пальцы готовы нажать на курок. Раздвинул кусты, вышел на поляну - и встал как вкопанный, будто в землю врос. Ни крикнуть, ни шевельнуться. Как паралич пробил, только поджилки трясутся. В траве лежал человек, вернее, то, что от него осталось. Два тощих, отвратных уродца рвали его на части, жрали, утробно рыча. Степана замутило, вывернуло на траву. Пока в себя приходил, отплевывался да губы утирал, возня утихла. Поднял глаза, а уродцы уже на него смотрят, недобро, исподлобья. Подбираются медленно, по-звериному, и в стороны расходятся, вроде как окружают. Скалятся, слюной исходят. Урчат что-то, как переговариваются. Клыки длинные, смотреть страшно. А взгляд злой, ненавистный, сквозит могильным холодом, волю отбивает. Видно по глазам: ненавидят они все живое лютой злобой. Убивать больше чем жрать хотят, и смерть чужая для них слаще меда, потому как сами уже неживые, смерти принадлежат и все для нее делают, как жертву приносят. Чувствует Степан: конец пришел, сопротивляться - только время тянуть. "Побыстрее бы, - думает, - отмучиться сразу." Надо что-то делать, а не может. Воля своя чужой заменилась и говорит: "Не дергайся, только хуже станет, больнее. Деваться тебе некуда, а так раз, и все. Совсем не больно. Разве что чуть-чуть". Сил никаких нет. Хочется ружье поднять, прострелить им бошки, превратить в решето, жизнь продать подороже. Ан нет, руки плетью висят, стоит, как телок на бойне, только слезы наворачиваются.

Вдруг звук раздался страшный, будто вздох, только громкий, мощный, оглушающий. Упыри уши прижали, застыли на месте, вроде как контузило. Зато со Степана морок как

рукой сняло. Выстрелил, отлетел один. Все нутро разворотило, а ему хоть бы хны. Поднялся как ни в чем не бывало, башкой трясет, потерялся немного. Второй ослабился, прыгнул с распахнутой пастью. Степан от зубов-то увернулся, но подмяла тварина его под себя, насела, зубами вцепиться норовит, только успевай уворачиваться. Одной рукой Степан упыря за горло схватил, свободной стал колотить по отвратной морде почем зря. А зубы щелкают у самого лица, слюна капает, гнильем разит, хоть топор вешай. Эх, топор бы сейчас...

Пафнутий вышел к поляне вместе со Степаном, только с другой стороны. Почуял темную силу, наводящую морок. Умом завладеть хотят, чтобы хозяин не сопротивлялся. Отвлечь их надо, а как? Совладать с обоими сразу не выйдет, пока с одним провозишься, второй Степана сожрет. Покосился на кикимору. Чего от нее ждать? Поможет, не поможет, али в спину ударит? Что задумала? Эвон зыркает как зло, опять в бабу страшную обернулась, как ночью. Приготовилась к чему-то. У-у, морда лупоглазая! Что же делать? Эх, силенок-то здесь маловато, от дома далеко. А, была не была, хозяина спасать надо! Тут раздался вздох чей-то.

Упырей оглушило, Степан выстрелил, самое время ввязаться.

- Ой, Путята пожаловал, - удивилась кикимора. - А ты куда, суматошный?

Пафнутий уже рванул на поляну. Одной волной сбил упыря со Степана, второй отбросил хозяина подальше и очертя голову кинулся на уже приходивших в себя тварей.

Подбежал, схватил обоих за шкурку, ударил друг о друга головами, расшвырнул, как котят. Кинулся снова. Один извернулся, бросился домовому на спину, второй вскочил на четвереньки, напружинился, приготовился прыгнуть. Пафнутий взмахнул рукой, но упырь отскочил. Вместо него деревце поломалось. Упырь зарычал, прыгнул на Пафнутия. Тот закрутился волчком, уворачиваясь от клыков. Твари облепили его, вцепились, не отпускают. Упал Пафнутий, вертится как может, силы на исходе, того и гляди порвут на куски.

Подоспела Мокша, сорвала упыря с домового, откинула. Топнула - растеклась под ним лужа грязи. Пытается упырь подняться, да руки-ноги разъезжаются, скользят, вязнут. Повернулась кикимора домовому помочь, а тот уже оседлал второго, месит кулачищами по противной морде.

- Что делать-то будем, болотная? Их ведь только осина возьмет!

Смотрит Мокша, а упырь уже выбирается из лужи, подсыхает грязь. Топнула, снова увяз. Ну нельзя же их вечно так держать. Им, мертвым, все равно, усталости не ведают, а тут силы не казенные, заканчиваются. Ну почему у темных всегда сил больше?!

- Ну что ты ждешь, Путята? Али смотреть пришел? Смотри зенки не прогляди, а то полопаются, - завелась кикимора.

Вздохнул лес тяжело, заскрипел. Вырвалась из чащи коряга, выбила упыря из-под домового, прижала сверху тяжестью. Под вторым повылазили корни, спеленали так крепко, что двинуться не может, хоть и пытается, тужится сильно, но не выходит.

- От силища, вот так бы сразу, а то пупки надрываем, - Пафнутий уже отряхивал портки, выколупывал грязь из лаптей.

- Ну и что ты на них любишься, осины, что ли, у тебя в лесу нет? - подбоченилась Мокша.

Лес снова вздохнул, но уже с обидой. Полетели с треском ветви и сучья, острые, как колья. Проткнули тварей. Вой поднялся страшный. В глазах у них зажегся страх: бояться умирать во второй раз. Покорчились упыри, покривились, да и растаяли, будто не было, только пыль серая пеплом летает.

- Ты там Степана, часом, не прибил?

- Жив он. Да ежели что, я бы почувствовал, хозяин все же.

- Ты с ним сроднился уже, даже лицом схож. Что делать будешь? Много он увидал, что видеть не надобно.

- Угу, набедокурил я...

- Да то ж не ты. Это вон те повылазили, откуда взялись только, неужто с Черного леса принесло.

- Откуда?

- Здесь часть леса наша. Тут Путята заправляет. Чуден он, конечно, мозги навыворот, но хороший, невредный. Это он недавно, лет пятьдесят тому, чудить стал. Из дупла не вылезит, рожи страшные корежит, а так добрый, разве туговат немного, ну ты видал. А другая половина леса черная. Деревья там древние, высохшие, сплелись все, аж солнце туда не доходит, днем хоть глаз коли. Ночью оттуда звуки страшные слышатся, вопли, крикения. Даже Путята туда не ходит, боится. Что там такое, никому неизвестно, а кто знал - тех уж нет давно. Зверь туда не ходит, птица стороной летит. Мертвое место там, гиблое. А Степану твоему я забвение нашлю, забудет он все. Стоялая водица все в себя возьмет. Эх, чего только не помнит мое болотце, какие тайны хранит...

- На том спасибо. Слышал, что кикиморы память в болото прятать мастерицы, только не переборщи смотри.

- Да что ты все кикимора да кикимора, у меня и имя есть. Мокшей кличут.

- Пафнутий я.

- Ладно, Степан уже закрихтел, пойду, поколдую.

- Спасибо тебе, ежели б не ты... Ты это, приходи в дом, когда вздумается, посидим, покалякаем, чаю погоняем, у меня варенье есть...

- Малиновое?

- И малиновое.

- Поглядим еще.

Ночница

- Давай-давай, проходи, чай стынет... И ноги вытереть не забудь! С болота все-таки. Что так поздно, скоро петухи пропоют, а ты все не идешь, - бухтел Пафнутий, разливая чай.

- Какие петухи, только солнце село, Степан недавно заснул, даже дышит неровно еще. Что такой суетливый? Заскучал?

- А!.. - отмахнулся Пафнутий, состряпал огорчение на лице, посмотрел куда-то вдаль, на стену. Борода заходила ходуном, губы задержались, а глаза подозрительно заблестели. Того и гляди расплачется.

- Говори уже, упырь тебя подери, не томи. Что стряслось? - напустила на себя строгость кикимора, а сама улыбку еле сдерживает - больно милый домовой, когда волнуется и обижается. Маленький, пухленький, ходит смешно и рожи корежит, ну как ребенок... Только с бородой.

- Дочка к Степану приезжает завтра. Телеграмму он получил.

- Ну и пусть приезжает, хорошо же. Хоть радость ему, а то один совсем. Олеся - девчонка хорошая, я ее в колыбельке качала.

- Да Степану-то радость, а мне хлопоты. Прижился только, а тут новый человек: привыкай, приноравливайся. Да и прятаться сложнее. От Степана немудрено укрыться, а тут уже... Что же мне теперь, целый день за печкой сидеть? Ой, беда-беда!

- Ну, ты наговоришь. Живут же домовые с целыми семьями, а ты сопли распустил, да было бы с чего. Фу, какой капризный!

- Все бы ничего, только с дитем она едет. Хозяин-то не знает, а я чувствую. Не люблю я детей. Лезут везде, нос суют, не укроешься от них. Ночью проснутся и зыркают на тебя. Никакого уединения, шагу ступить нельзя, все видят.

- Ну, дети сокрытое видят, но, пока маленькие, рассказать все равно ничего не смогут, а с возрастом зрение тайное пропадает, и не вспомнят уже ничего. Не расстраивайся. Радоваться надо. О Степане подумай, счастье какое ему. Да и тебе благо, семья растет, живет, и ты, значит, при деле будешь.

- Так-то оно так, но за детьми глаз да глаз. Смотри за ними, приглядывай. Нечисть до них всякая охоча, знай отгоняй, и в беде не оставишь, своя кровинушка уже, родная.

- Ой ты, какой заботливый стал. Да брось ты! Какая нечисть? Подумаешь, забрели упыри раз в двести лет, хоть кости размяли. Вон, Путятю расшевелили, здороваться хоть стал. Не бойсь, Пафнуша, справишься, а я помогу.

Пафнутий покивал-покивал, да и повеселел. Семью представил. Счастливую, большую. Дом, полный радости и уюта. Себя с Мокшей на лавочке, почему-то в обнимку. Встряхнул головой, улыбнулся:

- Пей чай, остыл уже. Давай медку подложу.

Поезд подполз к платформе, закрипел, дернулся и застыл. Проводница с грохотом открыла дверь, опустила лестницу. Народ спешно, толкаясь, стал выходить, почувствовал свободу. Засиделись, заскучали в длинной дороге. Кто-то расправлял плечи, кто-то потягивался, забавно подпрыгивая. Вскоре все разбежались, оставив на платформе одинокого человека. Растерянно поглядывая по окнам, он ходил вдоль поезда, искал кого-то.

- Девушка, конечная, выходить будете? Поезд скоро в тупик отправится.

- Да, конечно, извините.

Олеся последний раз глянула в окно, вздохнула, стала собираться. Сиди не сиди, а идти надо. Вон папка на платформе стоит, волнуется. Ох, папка...

Соскучилась Олеся по дому, по отцу. Когда поля родные, леса увидела, сердце защемило от радости. Не терпелось приехать, папку увидеть, обняться. А теперь... К отцу выйти сил не находит. Как ему с ребенком на глаза показаться, да без мужа? "Опозорила, - скажет, - в подоле принесла". Страшно. Разочаровать страшно, когда в тебе души не чают. Но так хочется домой... Надо было сразу написать все как есть, сейчас было бы легче.

- Пап, я здесь. Привет! - улыбается, а саму всю трясет. Накрутила себя. Ой, что сейчас будет...

- Наконец-то, я уж волноваться начал, думал, стряслось чего! - Степан засветился от счастья, ручищи растопырил для объятий. Олеся расплакалась, прижалась к отцу. Комок в руках закрихтел, захныкал.

- Осторожно, большого человека раздавишь.

- Ой, кто это?

- Это - Андрюша, внук твой!

- Что же ты папке-то не сказала, на свадьбу не позвала? А мужик где твой? - оторопел Степан, руки опустил.

- А нет его, вдвоем мы. Нам и без него хорошо. Да, сынок? Или не примешь без мужа?

- Тьфу, типун тебе на язык. Как только в голову такое пришло. Дуреха ты, дочка, вся в мамку. По любви хоть, али по блуду?

- По любви...

- Ну-у, чего нюни-то распустила, чудо ты мое? Наконец-то приехала, совсем про отца забыла. Поехали быстрее домой, по дороге все расскажешь. Дай хоть внука подержать. А глаза-то мои!

- Да где ж их черти-то носят! Запропалились совсем! За полночь уже, а их все нет. За это время можно двадцать дочек привезти, а он все с одной не справится! - причитал Пафнутий.

- Да не гоношись ты! Знаешь же, путь не близкий, на телеге с кобылой ехать долго.

На их месте я бы вообще в городе заночевала, а с утра дальше двинулась.

- Много ты понимаешь. Да где они там телегу оставят, ты об этом подумала, садовая твоя башка? Сама-то давно из леса выбиралась? Конюшен нынче не сыщешь, так что приедут, еще как приедут. А если не приедут... - что он с ними сделает, Пафнутий так и не придумал, да и не хотелось об этом думать. Лучше бы приехали.

Непорядок, когда хозяев дома нет. Неуютно становится, одиноко, холодно, и бежать хочется. То ли дело, когда хозяин под боком, рядом, пусть спит даже, а тепло сразу становится от одного присутствия. Эх, кабы не кикимора, совсем неведомо было бы, а тут пришла, поддержала. На дорогу с Пафнутием вышла. Стоят вдвоем, как привидения, в темноту всматриваются, хозяев встречают: вот-вот должна телега закрипеть, еще немного, и Зорька из-за поворота покажется. Но все нет и нет, случилось чего? Да нет, домовый бы почувал.

Колесо снова закрипело, юзом пошло. Лошадь всхрапнула, остановилась.

- Да чтоб тебя, окаянная! - Степан с фонарем в руках уже забрался под телегу, осматривал колесо, чем-то стучал, тихо ругаясь.

- Пап, что там?

- Да не пойму никак, дочка. Все нормально. Что не так? Всю душу вымотала эта дорога. Поехали дальше. Но! Пошла, родимая!

Как из города выехали, так и пошло неладное. То кобыла взбеленится, идти отказывается, то телега встрянет, то еще что. И Андрюша постоянно плачет, будто болит что-то. Забеспокоился Степан. Быстрее бы домой, но нет дороги и все тут. Как сглазил кто, словно бес привязался. Кое-как деревню миновали. А тут засмеркалось, к ночи дело идет. Воздух загустел вдруг, как кисель, дышать стало тяжело. Тишина кругом, только стук сердца гулом в груди отдаст. Страх какой-то беспричинный, на душе тошно, хоть волком вой. Одна отрада: посмотришь на дочку с внуком, и легче становится, только ненадолго. Вон Олеся тоже смурная сидит, ребеночка к груди жмет. До этого щебетала без умолку, о себе рассказывала, а теперь молчок. Не по себе ей, чуется неладное. Только где это неладное, в чем? Выйди, покажись! Не трави душу, не вытягивай жилы! Нашупал Степан под соломой ружье, придвинул поближе, так спокойнее. Да вот и дорожка уже родная к дому через лес идет. Скоро будем.

- Ну, хватит уже стоять, пойдем лучше еще чаю выпьем. Оттого что ты здесь торчишь, они быстрее не приедут.

- Может, пройдем чуток по дороге, навстречу, а?

- Слушай, домовый, хватит дурью маяться. Пойдем, говорю!

Пафнутий крикнул, махнул рукой, подался было вперед, на дорогу. Сделал шаг, другой, но не тут-то было. Мокша переменялась в лице от злости, снова превратилась в страшную каргу. Схватила домового за рукав и волоком потащила к дому.

- Вот задрыга неугомонная! - осерчала кикимора.

- Отпусти! - хныкнул домовый, упираясь.

- Я тебя сейчас так отпущу... Хрястну оглоблей, да так, что борода осыплется!

- Отпусти, говорю!

- Не отпущу!

- Куда ты меня волохаеть?

- Чай пить.

- Отпусти! Слышишь, копыта стучат? Едут!

Мокша остановилась, прислушалась.

- И правда, телега скрипит, не обманул, старый, - Мокша уже снова стала доброй старушкой.

- Я не старый, - обиженно буркнул домовый, расправляя помятый рукав, - я зрелый!

- Скройся ты. Ближе они уже. Иль на глаза решил показаться?

Пафнутий ойкнул и тут же исчез.

- Чуешь? - шепнула Мокша.

- Ага! Нечистью запахло! Говорил же, нельзя Степана одного отпускать. Люди как дети. Как в город сунутся - сразу какую-нибудь заразу подцепят, изгоняй потом!

- Так говоришь, будто сам человеком не был. На то ты и домовый, чтобы очаг хранить.

- Подъехали почти. Давай, с двух сторон обходим и гоним эту гадость в три шеи поганой метлой. Готова?

Поравнялась телега с домовым. Вот Степан сидит, фонарем дорогу высвечивает, лицо хмурое, усталое. Вот Олеся, вот дите... Не такое уж и страшное, это дите... А вот и она, зараза проклятушая! Сидит рядом с ними на телеге, улыбается, ногами болтает. Костлявая баба с длинными черными, как тьма в погребе, волосами. Гляделки, словно бельма, как пустота смотрит. Зубы настежь, пасть искривлена в злорадной ухмылке. Вместо одежды грязная, драная тряпка, вроде рубища. Кожа синяя, как у мертвяка, в язвах вся и струпьях. Тянет руки к дитятке, щиплет его, тычет в бока, тот плачет, слезами заливается. А Олеся агукает да баюкает бедное дитя, гадает, почему сынишке не спится?

Видать, нечисть эта пристала к ним еще в городе. Увидела ребенка, жажда проснулась, захотелось известить молодую душу. Так и едет с ними, страху нагоняет, дороги не дает. Степан с Олесей хоть и не видят ее, но чувствуют - давит она на них. Как от тучи, пасмурно от нее на душе.

Рыпнулся было домовый на нее, а страхолюдина его уже заметила. Вперила в Пафнутия бездонный взгляд, смотрит прямо внутрь, насквозь, и скалится зубастой улыбкой, широкой, от уха до уха, мерзко хихикая, как душевнобольная. Домовый остолбенел, ничего поделать не может, только тоска вдруг пронзила и страх гложет. Вот

провалиться бы на этом месте и не существовать, только бы такого не испытывать. Покуда Пафнутий мешкал, нечисть в червя обернулась, скатилась с телеги и зарылась в землю.

- Ну и какого ты ничего не сделала?

- А сам-то! Меня заморозили, а ты чего ждал?

- Как она тебя могла заморозить, если она на меня смотрела, да так околдовала, что поделывать ничего не мог!

- Хватит врать, трусил - так и скажи! Она вылипла глазищи свои на меня.

Смотрит, и будто поглощает, бррр, а я и взгляд отвести не могу!

- Меня тоже околдовала. Это что же, выходит, она нам обоим глаза отвела?

- Выходит. Только это еще умудриться надо.

- Да, хитра подлюка, - почесал бороду домовой, - а куда она подевалась-то?

- Ой, правда! Я и не приметил. Как отпустило меня, так ее уже не было. Может,

нас увидела, испугалась и дала деру?

- Ну и пес с ней, баба с возу - волки сыты.

- Ты это, про баб не надо. И все равно осторожнее, вдруг вернется.

- Ага, у меня не забалуешь! Пойдем гостей встречать.

Ожил дом, стал теплее, светлее, будто внутри больше солнца попадать стало, будто светит только для них. Да и Степан расцвел, встрепенулся, как после спячки. Мир в нем появился, радость. А внуку-то как рад, нянчится, агукает, улюлюкает. Наверное, всю жизнь об этом мечтал. Олеся тоже молодец. По дому крутится, порядок наводит. Папке подмога и радость. Пафнутий по привычке, успокоился, а после того, как с Мокшей на окна с дверьми наговор от зла сделали, совсем хорошо стало, настолько, что и желать больше нечего. И чего домовый боялся, дурачина? Свободы не убавилось, хлопот никаких. Проснется Андрейка ночью, а домовый тут как тут - убаюкает, понянчит. Любит маленький бандит Пафнутия в бороду вцепиться. Треплет волоса, смеется, словно ляльку нашел, а домовый хохочет, умиляется. Мокша только успевает шикать, боится, что хозяев разбудит.

Путята присматривал за этим лесом с давних пор. Насколько давних, что сам не помнил, с каких именно, и как не пытался, вспомнить не мог, да и времени на такие глупости не было. Леший давно перестал ощущать себя чем-то отдельным. Он сам и был своим лесом, а лес был им, и казалось ему, будто никакого Путяты уже и в помине нет.

Лес давно вырос, оформился, повзрослел, и лешему оставалось только поддерживать установленный им же порядок и слушать. Слушать и исправлять, если что не так. Путята знал все, что творилось в лесу. Все жалобы и просьбы обитателей он слышал сразу, одновременно, и было их много. Жаловаться любил каждый, от малой былиночки, крохотного муравья до векового дуба, росшего еще до Путяты. То дупло не поделают, то муравейник не там построили, то кто-то листья к зиме забыл сбросить - хлопот было

много, и Путята со всем справлялся, везде успевал - иначе нельзя, иначе будет плохо и может случиться Большой Аяй. И Аяй этот с ним уже случался.

Путята лешим тогда только обернулся. Был не настолько сучковат, и внешне еще не сильно походил на дерево. Так, старичок-лесовичок. Делянка досталась ему несладкая. Лес молодой, но уж больно разросшийся, огромный, запущенный. Лешего тут отродясь не водилось, оттого и росло все беспорядочно, в разные стороны. Справиться со всем было нелегко. Лес, он ведь как человек - рождается, растет, крепнет, стареет и умирает. И чем заботливее, усерднее леший, тем дольше живет и цветет лес, а если и умирает, то только вместе с лешим. Леший - тот же домовой, только в лесу. Уследить за всем сразу Путята тогда еще не мог: силенок и опыта не хватало, да и лес капризничал, вредничал по-всякому. Этот беспризорник никак не хотел признавать хозяина. Пытался доказать самостоятельность. Дескать, не вы меня посадили, не вам и растить! Ох и намучился с ним Путята, ох и намаялся, столько козней натерпелся.

Лес был с характером, но и Путята не лыком шит. Понимал, что нельзя сразу, нахрапом, силой взять - насильно мил не будешь. Искал лазеечки, круголями к лесному Сердцу плутал. Месяцами, годами - и подобрал-таки ключик: принял его лес. И не просто принял, а как родного, будто Путята всю жизнь с ним прожил.

Пока отношения ладил да приживался, леший присматривал за лесом, как мог. Присматривал, да не усмотрел. Сердце лесное Путята сберег, а вот за дальней окраиной не углядел. Дремучая та часть леса была, заросшая, нечисти всякой там развелось. Путята боролся с ней, выгонять пытался, но было уже поздно. Заразилась окраина тьмой и злобой. Деревья стали как мертвые, будто тлей черной пожратые. Животные, кто мог, в здоровую часть перебежали, а кто не успел - сгинул насовсем в мертвой чаще. Отделилась темная половина от леса, даже Сердце свое там зародилось. Черное, скверное, злое. Путята с этим поделаться уже ничего не мог, только хватался за голову и причитал: "Аяй, аяй!" Ту половину с тех пор зовут Черным лесом, а несчастье Путята вспоминает как Аяй.

Много веков из Черного леса никто не приходил, но ночами там и по сию пору кричит кто-то, воеет, повизгивает, деревья будто с места на место передвигаются. И слышит Путята в последнее время оттуда зов странный. Шепчет голос ночами, просит прийти, присоединиться, а к кому, зачем - непонятно, но противиться ему все сложнее. Манит он к себе, как околдовывает, и становится Путята в те моменты сам не свой, безумный, а все оттого, что борется с наваждением, старается не поддаться.

В эту ночь лешему не спалось. Странные голоса снова звали его к себе, но в этот раз как-то вяло, ненавязчиво и быстро отстали. Путята уже приготовился к долгой борьбе с самим собой, а тут раз, и все закончилось. Гул в голове резко прекратился, неожиданно

настала тишина. Леший долго лежал у себя в дупле, прислушивался, боялся пошевелиться.

Потом собрался с духом, медленно поднял руку, осторожно постучал по деревяшке.

- Уф! Не оглох, старый! - радостно проскрипел Путята, услышав сухой стук, и еще больше обрадовался собственному голосу.

Голоса ушли и больше не мешали, ночь обещала быть тихой. Леший решил пройтись, осмотреть лес, пока все спят, и подумать. Давненько он этого не делал - днем-то думать некогда, а ночью всякий гомон в голове мешает. А подумать было о чем. Путяте до сих пор не давала покоя оскверненная часть леса. Не мог он никак смириться с потерей, совесть мучила, что недоглядел, не усмотрел. Все свободное время, хоть его было и немного, леший соображал, как очистить лес от этой гнили. А тут еще зов, будь он неладен... Раньше голос просто звал, а сейчас ведь угрожает, приказывает.

Так Путята брел, кумекал и не заметил, как к дому лесника вышел. Подошел, в окошко глянул. Спят люди, отдыхают. А эти чаи гоняют, ишь, сдружились-то как. Да! Никогда бы не подумал, что домовый с кикиморой ужиться смогут. Ой, ты посмотри, и ребеночка вместе укачивают! Ну, дела! Стоял так леший, смотрел, и показалось вдруг ему, что не один он, ходит у дома еще кто-то. Вон там, за углом. Стоит, по окнам таращится. Что за зверь такой?

Над окном нависла длинная тень с неровными, постоянно меняющимися очертаниями. Внутри у нее будто что-то клокотало, кипело, вспучивалось, снова убиралось, появлялось пузырем в другом месте. Тень покачивалась из стороны в сторону. Временами из нее вытягивались отростки, тянулись к окну, потом вдруг отдергивались и снова исчезали. Путяту передернуло. Такой мерзости он еще не встречал. Такие даже в Черном лесу не водились... Раньше не водились.

- Эй! - окликнул леший, - таких мы не звали! Проваливай, куда осиной не попотчевал!

Тень перетекла в его сторону, побурлила. В туманном мареве вспыхнули глаза, уставились на лешего, налились кровью. Тень заклокотала, поплыла к Путяте - медленно, будто туча, извиваясь и булькая. На ходу стала вдруг сгущаться, приобретать форму. Вот уже появились плечи, наметилась голова, вытянулись руки. Вот тень уже и не тень совсем. На человека похожа, не плывет, а вышагивает. Глаза смотрят кровавыми бельмами, а вот лица нет вовсе, словно вылепить забыли. Вдруг существо передернуло, и идет теперь на Путяту баба синюшная, в струпях вся. Подошла к лешему, смотрит в глаза. Лицо неподвижное, как маска надета.

- Не хотишь, значит, по-хорошему? Ну глядай! - Путята поднял руку, вращая указательным пальцем, забубнил что-то под нос. Воздух вокруг загудел, задвигался, под тварью поднялся столбик пыли, закрутился быстрее и быстрее, в такт движениям лешего,

стал похож на маленький вихрь. А Путята вращает уже всей рукой, шепчет странные слова, отдающиеся вокруг громовыми раскатами. Вихрь все рос и рос, сорвал листву с соседних деревьев, закружил тень, завертел, пока та не исчезла в бешеном хороводе листьев.

- Ты чего это делаешь, Путят? - Пафнутий вышел проводить Мокшу.

Путята дернулся от неожиданности, обернулся, сбился с ритма. Смерч вырвался на свободу и пошел кружить по двору, вырывая с корнем кусты смородины и крыжовника, опустошая огород.

- Ох ты ж, ё... - схватился за голову домовой и побежал с кикиморой ловить вихрь, топча грядки вместе с тем, что еще там осталось. Путята крутанул рукой, понял, что смерч уже не слушается, топнул, сплюнул и со скрипом припустил за ними.

Вихрь ловили долго, но так и не поймали. Он сам успокоился, сошел на нет. Почти сразу после того, как выломал дыру в заборе. Покружил еще немного и затих. Осыпался в кучу ветками, досками и прочим хламом. А поверх этой кучи сидела нечисть, что приехала со Степаном - домовой с кикиморой ее сразу узнали. Пока узнавали да ошарашенно переглядывались, та ослабилась и рассыпалась горстью мерзких могильных червей, которые, копошась и извиваясь, стали зарываться в землю, пока совсем не скрылись с глаз.

- Ускользнула, зараза! Ну прям сквозь землю провалилась. Тьфу... Ну что же теперь делать, где ловить? Раз тогда не отстала, то теперь уже и палкой не отшибешь, - заволновался домовой.

- Я по лесу-то пошукаю, глядишь, и найду. Вот только одно мне невдомек. Я так понимаю, что знакомы вы. Ежели вы про нее прознали, отчего мне не сказали? - обиделся леший.

- Так мы сами на тебя рассчитывали. Ты же чужаков да волшбу злую чуешь, прогнал бы, если что. А раз молчишь, думали, убралась она восвояси. Хотя ты же упырей на болото пустил, людей позволил угробить, нас чуть не схарчили, - разошлась Мокша.

- Довольно! - прервал леший. - За болотом сама смотри, для того ты здесь и поставлена. У меня забот и без того хватает. В лес я ходить никому не запрещаю, у меня ведь как: всяк ходи, только лесу не вреди. А ежели чужак чужака сожрать хочет, то мне до того дела нет. Земля плодovитей будет.

- А что же ты за нас с ними сцепился? - буркнул домовой.

- Так куда же от вас деваться? Вы в моем лесу живете, мне за вас и ответ держать. Свои вы теперь, родные, - Путята обвел взглядом огород. - А теперь цыц! Натворили мы дел... Скоро рассвет, огород воротить надо, покамест человеки не проснулись, а то вон что вышло, непорядок. Давай, домовой, твоя делянка - тебе и начинать. А мы подмогнем.

- Лежать без сил мне седмицу после такой волшбы, не меньше, - тяжело вздохнул Пафнутий. Поворошил выдранное из земли, побродил из стороны в сторону, будто не знал, за что взяться. Потом встал, вытянулся, руки по швам, заговорил:

Плодородная земляца,
В память, что в тебе хранится,
Разровняй всё, как было,
Вспомни, что в тебе росло,
Плодородило, несло,
Подними скорей ростки,
Тебе корни, нам - вершки!

Земля заходила ходуном, выровнялась, стала приобретать форму, появились грядки, показались слабенькие зеленые росточки.

- Мокшенька, водички, водички поддай. А ты, Путята, сил прибавь земле. Пускай лес поделится, с него не убудет.

Грядки враз налились влагой, растения потянулись вверх. Тут вступил в дело леший. Заскрипел руками, затрясся весь. В ответ в лесу зашумело, деревья передвинулись, будто лицом к нему повернулись, вокруг все задрожало. Из земли поперло со страшной силой, ростки мгновенно поднялись, как вытолкнул кто. Кусты смородины и крыжовника снова зазеленели, заблестели ягодами. Оголившиеся от Путятиного смерча яблони оделись в листву, зашелестели. Стало вокруг, как было, даже лучше. Живее, сочнее.

- Теперь Степан урожая в два раза больше соберет. Семью накормит и на продажу еще останется! - обрадовалась кикимора.

Путята тоже в лице переменялся, оглядывал все, смущенно бубнил что-то, но вроде как радовался. Один Пафнутий осунулся, ссутулился, руки опустились - вид усталый, но довольный.

- Ну все! Осталось только забор подправить и прибраться, но это мы быстро. Мокша, присмотришь за домом? А то я теперь долго из-за печки не вылезу.

- Ага, только на болото сбегая. Гляну, что да как.

Внизу что-то заблестело, закопошилось. Наверное, жук или червяк. Птенцы подросли, скачут уже по гнезду вовсю, неугомонные. Пух почти сошел, оперяться стали. Скоро летать надо учить. Отрыжкой уже не прокормишь, им подавай что побольше, настоящую еду. Что поделать, дети растут, и на поиски добычи у матери-вороны теперь уходило куда больше времени.

Червяк большой, жирный. Таким половину птенцов можно накормить. Птица ловко спикировала вниз, подобралась поближе, приготовилась схватить. Вдруг листва зашевелилась, и появился еще один червяк, такой же. Глаза у птицы заблестели: кого схватить первым? Пока гадала, рядом выползла еще пара, и еще, и еще... Через мгновение под вороной копошилась целая куча, которая все росла, доставая уже до самого брюшка.

Черви проворно взбирались по лапам, нагло ползли по спине, крыльям, хвосту. Птица испуганно каркнула, попыталась взлететь, но вырваться не получилось, будто ее держали.

Копещащаяся горка становилась все больше и больше, опутывая жертву со всех сторон. Свободной осталась только голова с беззвучно открывающимся клювом. Ворона уже не дергалась - поняла, что не выбраться, и последний раз посмотрела на родное гнездо.

Черви тем временем плотно переплелись, начали срастаться, превращаясь в однородную массу, которая все увеличивалась, поднималась, как тесто на дрожжах, и наконец обратилась в синюшную бабу. Та склонилась над трепыхающейся птицей, прижалась губами к клюву и начала высасывать жизнь, жадно глотая тонкую синюю дымку. Тело вороны дернулось судорогой, стало блеклым, словно потеряло цвет. Закончив, существо встало, отбросило бездыханную птицу, шумно втянуло воздух, будто принюхиваясь, посмотрело вверх, криво ухмыльнулось и снова рассыпалось. Черви поползли по дереву, оставляя за собой черные пятна гнили и подбираясь к птенцам.

Пафнутий седьмой день валялся в беспамятстве. Иногда приходил в себя, просил у Мокши чаю и снова засыпал, не дожидаясь. Бывало, принимался орать что-то среди ночи, до смерти пугая хозяев и кикимору. Что ж ему снилось? Мокша была все это время рядом, честно выполняя за домового работу по дому. Лишь иногда бегала на минутку проверить болото – все ли там как надо? Путята в эти моменты ее подменял, караулил у окна, чтобы ничего не случилось, дрянь какая не пробралась. Про злую синюю бабу никто не забыл, жили в постоянном ожидании, что та вот-вот должна вернуться, и уж тогда они точно не оплошают, хотя и неясно, что с ней делать. Но ничего не происходило, и ожидание угнетало кикимору с лешим еще больше, чем незнание, как эту беду одолеть. Им оставалось только надеяться, что Пафнутий оклимается раньше, что он придумает, как поступить с этой тварью, да и втроем оно сподручнее, легче.

А Пафнутию тем временем снилось разное. Снились картинки из прошлой жизни, до того, как он стал домовым. Снились бывшие хозяева, которые становились вокруг и смотрели, вроде как с сожалением. Иногда они что-то рассказывали - наверное, важное. Показывали пальцем куда-то в сторону Черного леса, но голоса были такими глухими, далекими, что Пафнутий ни слова не понимал, отчего было очень обидно, до слез. Но плакать не давали, потому что кто-то заставлял смотреть туда, куда указывали мертвые. Смотреть не хотелось, но противиться у Пафнутия сил не было. Там, из Черного леса, кто-то глазел, таращился прямо внутрь домового, в самую душу, минуя оболочку. Смотрел с такой ненавистью, что тянуло убежать, исчезнуть. Пафнутий чувствовал запах беды и понимал, что у него хотят отнять самое дорогое. От этого становилось настолько страшно,

что хотелось кричать, и в эти моменты, как спасение, появлялась Мокша, гладила по голове, успокаивала добрыми словами.

На восьмой день он очнулся. Вскочил посреди ночи и давай колобродить по дому. Ковырялся по углам, громыхал чем-то, почесывал затылок. Кикимора насилу его успокоила. Пафнутий присел, посмотрел в пустоту, потом многозначительно поднял палец вверх, прошептал: "Вспомнил!" и вышел из дому. Мокша кинулась за ним - мало ли что учудит, спросонья-то. Догнала домового у телеги, тот уже копался в настиле из сена, что-то искал. Кикимора слегка потрепала его за волосы.

- Ты чего вскочил-то, чумовой, приснилось что?

- Приснилось, Мокшенька, приснилось. Вспомнил я! - с этими словами Пафнутий выхватил из сена какие-то тряпки. - Вот!

- Это что? Дай посмотрю, - и выдернула из рук домового непонятное тряпье, которое вблизи оказалось куклой. - Ты издеваешься, что ли? В куклы решил поиграть? Ты вспомнил, что ляльку в телеге закопал?

- Дуреха ты, - хихикнул Пафнутий, - как только в голову такое пришло. Я знаю, что за гадость нам покоя не дает.

- И что же ты молчал, окаянный?

- Говорю же, забыл, а когда лежал в беспамятстве - вспомнил.

- Не темни! Это у людей память коротка, а у нас все копится, ничего не забывается.

- Ты не поняла. Я вспомнил оттуда, из той жизни, когда человеком был.

Прицепилась тогда к ребенку такая же, жизнь ночами высасывала. Чахнуть дите стало. Думали, болезнь какая. Знахарь лечил-лечил, травками разными пичкал - не помогало. А как-то ночью встал я воды попить, смотрю, а у колыбельки, у изголовья, стоит страхолюдина, такая же, как наша, только чуть-чуть другая, и к сынишке тянется. Я тогда весь дом переполошил, отогнал-таки ее, а утром к ведунье пошли. Та и говорит: ночница это. В колыбель к детям ночью подкладывается и жизнь из них вытягивает, пока совсем не изведет. Сказала, что нужно ребенка из дома унести, вместо него в колыбельку куклу на ночь вот такую положить, на куклу наговор сделать, а утром подбросить кому-нибудь в телегу.

- Сделали?

- Сделали. Помогло. Нам. А вот кому подбросили... Вон оно как, оказывается. На других передается. Тогда я об этом почему-то не думал.

- Выходит, это кто-то в городе Степану подкинул. А нам то же самое делать, что ли?

- Нет! Нельзя беду на других перекладывать. Я, может, из-за того, что так сделал, до сих пор в домовых и маюсь. Извести ее нужно. Совсем. Чтобы никому зла не причиняла. Только вот как?

Пафнутий совсем ополоумел с этой ночницей - хозяйство забросил, Степану с дочкой не помогает, даже с Андрейкой играть перестал. Из-за этого дома стало неуютно, холодно. Степан с Олесей за хозяйством присматривают исправно, но все равно какого-то тепла не хватает, сразу видно, что домовый или в отлучке, или его вовсе нет. И как только раньше без Пафнутия обходились?

Да вот вобьет этот баламут себе что-нибудь в бошку, спасу нет. Не угомонится, пока не добьется своего. Всех на уши поставит, все вверх портками перевернет. Вот и сейчас: принялся охотиться на эту ночницу. Искать ее, конечно, надо, спору нет. Но не так! Рыщет по лесу целыми днями, под каждый куст заглядывает, в каждую нору, зверью жить мешают, скоро по гнездам лазить начнет, чтоб его... Достал Мокшу до печенок. Заставляет ходить за ним повсюду, даже дом хотел поставить сторожить. Кикимора за это такую оплеуху ему влепила, что он потом долго глаза в небо тарашил. Сторожить больше не просил, но ходить за ним все же пришлось. И ведь что еще удумал, умник. Захотел, чтобы Путята к Олесе охрану приставил. Пусть, мол, животное лесная за ней приглядывает, когда она ребеночка выгуливает. А еще лучше, если бы Путята сам за ними смотрел, якобы так надежнее. Леший поначалу терпел, относился к этим причудам снисходительно. Понимал беспокойство домового, даже сочувствовал. Но под конец от злости все же покрылся мхом и местами потрескался. Даже переселяться собрался в дальний конец леса, чтобы ненароком домового не покалечить - Мокша насилу отговорила.

Вот и сегодня кикиморе пришлось весь день бродить с Пафнутием по лесу. Как всегда, ничего не нашли. Мокша давно поняла, что ночницу искать бесполезно. Прятаться она может где угодно, а уж если и леший ничего не видит... Нужно просто ждать. Когда-нибудь она сама объявится. Но Пафнутий, видите ли, не может сидеть сложа руки и ждать, когда хозяева в опасности.

Мокша говорила домовому, что ей нужно на болото наведаться, а то с этими поисками совсем его запустила, но он и слышать ничего не хотел. И теперь вот пришлось кикиморе идти туда среди ночи, порядком устав после поисков. А ведь могла спокойно сидеть за печкой и пить чай. Ох уж этот деятель... Она шла и злилась, дулась на домового, и вдруг заметила над родным болотом огонек. Он то висел над водой, то принимался летать как угорелый, будто за ним гнались. Раньше Мокша сама создавала такие от скуки и запускала их летать над болотом, чтобы подразнить Путяту. Но то было давно, еще до того, как сюда пришли люди, с тех пор она этим не баловалась. Откуда же здесь этот взялся? Такие светляки селятся у сокровищ, но кладов кикимора не хранила... Пока Мокша размышляла, огонек ее заметил, приблизился, замерцал перед глазами, запрыгал,

как бы приветствуя, и полетел прочь. Кикимора пошла следом – а он будто звал ее за собой, уводил все дальше и дальше. Если она отставала, он возвращался и ждал. Мокша совсем забылась и все шла, шла, уже не думая, куда, зачем, просто хотелось идти, и все.

Очнулась Мокша в странном месте. Эту часть леса она не знала и никогда сюда не забредала, но поняла сразу - это граница с Черным лесом. Кикимора поежилась.

Огонек снова вспыхнул перед Мокшей, только цвет его сменился с теплого желтоватого на ядовито-зеленый с черными прожилками.

- Ты куда меня привел, шалопай?

Светляк вдруг исчез, а вместо него перед Мокшей возникла ночница, да так неожиданно, что кикимора подскочила. Ночница приблизилась, схватила ее за плечи, уставилась кроваво-красными зрачками прямо в глаза. Страшно стало до дрожи. Ночница долго смотрела, потом дернула щекой, и, завывая, стала открывать рот все шире и шире, обнажая острые иглы зубов. Пасть раззявилась непомерно, открываясь еще больше. Вот уже вместо головы сплошной рот, но он все раскрывается, вернее, выворачивается наизнанку, а внутри кроме тьмы ничего нет. Мокша завороченно смотрела, как тьма окутала ночницу, как вместо нее осталось лишь черное пятно, точно дыра в пространстве. И тут темный сгусток вытянулся змеей и, извиваясь, бросился на кикимору.

- Путятка! Путятка! Открывай, чтоб тебя, - запыхавшийся Пафнутий что есть силы барабанил по дереву, где обитал леший. Внутри что-то гроыхнуло, из дупла показалась ветвистая борода, а потом и сам Путята.

- Ну, чего орешь, как баба на сносях? Весь лес перебаламутил. Что стряслось-то? - проскрипел леший.

- Мокша пропала!

- Куда?

- Знал бы - не искал. Ночью пошла на болото. Полдень уже, а ее все нет. Искать надо! Говорил же, подожди до утра - нет, поперлась. Помоги, Путят, а? - голос у Пафнутия дрожал, глаза на мокром месте, губы затряслись.

- Да не хнычь ты! Ой, беда с вами. Как дети малые. Ванька дома - Маньки нет, Манька дома... Эх! Заходи давай, не позорь меня перед зверьем.

Пафнутий подтянулся, вскарабкался и исчез в темном дупле вслед за лешим.

Перед ним открылась просторная, уютная комната. Пахло елью и какими-то цветами, было светло как днем. Домовой завертел головой, пытаясь разглядеть чудолампы, но вместо них под высоким потолком летал целый рой светлячков.

Пол был отполирован до блеска. Годовых колец на нем было не счесть. У стены стоял пенек, на котором скатертью лежал огромный лист орешника. Рядом со столом стояли два пенька поменьше и сплетенное из веток кресло-качалка с накинутым поверх

травяным пледом. Кроватью лешему, видимо, служила куча лапника, сложенного на другом конце комнаты.

- Ух ты! Ничего себе обустроился! Снаружи деревце небольшое, толщиной обнять два раза, а внутри... Ишь, палаты отгрохал! А я-то думал, как ты в этом дупле вообще помещаешься, спишь, что ли, стоя?

- Вижу, понравилось? - хитро заулыбался леший. - Но не за тем пришел! Что там у вас опять стряслось? Мало того, что чудище какое-то в бабьем обличье по моему лесу шастает, птиц изводит да людей погубить норовит, так вы еще со своими бедами бежите. Пропала, говоришь? Ну пойдем, посмотрим, что у нас в лесу делается.

Путята подошел к стене, провел по ней ладонью и зашевелил неслышно губами. Рука засветилась, леший пальцем вывел на стене очертание двери и открыл ее.

- Пойдем, - буркнул Путята и шагнул за порог.

- Тудыть ее, - только и смог выдать домовый.

- Давай шибче, не стой столбом, - леший протянул руку, ухватил Пафнутия за шкурку и вытянул наружу.

За дверью оказался лес. Все тот же родной лес, а вроде как и другой. Вокруг было как-то очень светло, и цвета стали настолько яркими, что слепили глаза. А еще каждый листик, каждая веточка-травиночка светились как лампа, испуская мягкий, теплый свет.

- Что за чудеса? - раскрыл рот домовый.

- Нутро это.

- Чье? - Пафнутий растерянно вертел головой.

- Леса. Ну что глаза выпучил, ни разу не слышал про такое? Тебя в дровах, что ли, нашли? Нутро это. Изнанка, мир внутренний. У человека душа, а у леса - это. Тоже вроде как душа. Но мне Нутро больше нравится. Смотри - ты первый, кому показываю.

- И зачем мы здесь? Я думал, ты кикимору найти поможешь, а ты меня прогулками попотчевать решил. Ты не серчай. Тут красиво, занятно, но не ко времени. Мокша в лесу одна, а в лесу – эта... Вот найдем, тогда нам обоим все и покажешь.

- Чуден ты, домовый! Вроде не дурак и не блаженный. Ты что, когда ко мне бежал, мозги по дороге оставил да подобрать забыл? Так пойдем, поищем. Ты думал, я тебя сюда, что красну девицу – развлекать привел? Мы сейчас на лес изнутри смотрим. Если в нем зло творится или чуждый кто есть - здесь сразу это видно.

- Это как? - удивился домовый.

- Ну вот смотри, - леший взял домового в охапку, махнул рукой - и местность вокруг переменялась. - Сейчас мы на опушке, а во-он там, - Путята ткнул пальцем вдаль, - деревня. Теперь гляди туда. Видишь, человечки мельтешат? Все вокруг цветное, а они будто бесцветные. Ну, разглядел? - леший дождался, пока домовый угукнет, и стал объяснять дальше. - Это детишки с деревни играют. А бесцветные они потому, что для нас

они по ту сторону, в другом мире. Они в Яви, а мы, вроде как, на перепутье: и не живые, и не мертвые.

- А мы с кикиморой тоже бесцветные?

- Нет, вы - часть леса, да к тому же - как вы, молодежь, говорите? - леший почесал затылок. - Вспомнил - сумеречные! Цветные вы, как все вокруг, вы ведь тоже на перепутье, как и я. Да, Степан с семейством тоже цветные. Потому как в лесу живут, частью его стали, свои, то бишь, хоть и не на перепутье.

- А ночница, - всполошился домовой. - Она цветная? Ее отсюда видно?

- Она - ненависть, и, хоть и сумеречная, лес ее не принимает, она пятно черное, как дырка в пространстве. Не цветная, хоть цвет имеет, и не бесцветная, но красками не блещет. Чернее ночи она, и чернота ее настолько плотная, что все вокруг поглощает, да насытиться не может. Оттого эта прорва и уничтожить все пытается. Детей извести тем паче, потому как из них она чистую жизнь забирает, саму ее суть. Так-то вот. А лес своих признает, так же как ты меня, когда видишь.

- Это что же получается, мы, значит, с ног сбиваемся, изловить ее не можем, а ты сидишь тут, пялишься, как она шастает, и молчишь?

- Не все так просто, Пафнутий. Ежели б я ее так увидеть смог, да изловить... Рассеивается она, понимаешь? Вот вроде стоит она, бери да лови, ан нет, рассыплется червями могильными и расползается по всему лесу. Так ее не то что поймать, выследить невозможно - она везде, она повсюду. И даже если изловишь, растопчешь этих червей хоть десяток, хоть два, а все равно с нее не убудет. Всех не переловишь, я пробовал. Да и поймаешь если, что делать с ней - непонятно.

- Я живу не так долго, но тоже кое-чему научился, все ж не лапти плел. Хотя плел иногда, от скуки. Ежели голову сломал, а решения так и нет, то полезно бывает плюнуть и делать, что должен, а нужное само в последний момент придумается. О как! - сказал домовой с таким лицом, будто истину великую открыл.

- На авось, говоришь, иногда надеяться полезно? - Путята почесал поясницу. - Что ж, может и твоя правда, посмотрим.

- Ты это, Мокшу поможешь искать?

- Мокшу? А, башка-то моя деревянная, совсем запамятовал. Пойдем, - Путята снова сунул домового подмышку, помахал руками - и местность вокруг переменилась.

- Это что? - спросил Пафнутий, указав вверх пальцем. Там, над поляной, около которой они оказались, висел какой-то непонятный, светящийся зеленый комок. С виду вроде волосатый, с торчащими в разные стороны палками. Комок постоянно надувался и сдувался, будто дышал. Домовой подошел поближе, присмотрелся. Комок был не волосатым, а травянистым. Травка была настолько тонкая и нежная на вид, что напоминала

шерстку, а изнутри комка во все стороны топорщились ветки, по которым пробегал какой-то огонек.

- Это - Сердце, - ответил леший, - оно лес питает, связывает между собой каждое деревце, каждую травинку. Снабжает их силой жизненной, которой с ним земля щедро делится. Приглядишься, от Сердца к деревьям тянутся жилки тоненькие. Через них они кормятся, разговаривают, сплетничают. Вот сейчас и спросим, видали они кикимору или нет.

Путята подошел к сердцу, обнял его, приложился ухом и замер, закрыв глаза. Стоял он так долго, Пафнутий даже испугался, что тот заснул, и стал его окликать и тормошить, но леший будто помер. И только после того, как домовый пнул его с досады, тот открыл глаза и попросил не хулиганить, постоял еще, почесал поясницу и сказал:

- Ой, что-то мутное наговорили. Не понял половины, трандычат-трандычат, как бабы на завалинке, перебивают друг дружку, сказать не дают.

- Ну не тяни, говори, что не так, - забеспокоился домовый.

- Кикимора жива-здоровая, вроде...

- Что вроде?

- Жива, но была у Черного леса. Чего ее туда понесло? Еще талдычат про какой-то огонек, про ночницу, произошло нехорошее что-то, там, у Черного леса. Дальше что было, не разобрал, но Мокша к дому идет, жива значит.

- Выведи меня, леший, верни домой, быстрее!

- Сейчас-сейчас, не колготись, - Путята уже рисовал в воздухе дверь, - хватай меня за руку.

Вышли они из дерева прямо у дома, снаружи уже стемнело. Домовый тут же рванул к крыльцу, на котором сидела, склонив голову, кикимора.

- Что стряслось, чего ты там делала? - Мокша не отвечала. - Чего молчишь-то? Эй!

Пафнутий потормошил кикимору за плечо. Та долго не шевелилась, потом медленно подняла голову и уставилась на домового.

- Ну, что смотришь, отвечай!

- Ее больше нет.

- Кого нет!

- Ее.

- Тьфу ты! Как немой с глухим разговариваю, - стал злиться Пафнутий. - Кого ее нету? Ночницы?

- Да, - Мокша все также пристально смотрела на домового.

- И куда она делась?

- Туда.

- Сейчас как надаю по шам! Что случилось, куда делась?

- Встретила ее в лесу. Сцепились, повалила она меня немного, потом я ее в болото столкнула, она в грязище увязла, а я еще сверху добавила, - кикимора отвечала медленно,

монотонно, растягивая слова. - Засосала ее трясина, замуровала намертво - не выберется. Одной гадостью больше у меня в болоте.

- Ты не поранилась, сильно она тебя помяла? Ой, да что ж это я. Устала-то вон как, еле языком ворочаешь. Пойдем чаю попьем. Праздник-то какой у нас! Избавились от этой ведьмы. Ты теперь Андрейке что мамка вторая, жизнь ему спасла. Вставай, пошли, - домовый вошел в дом, следом за ним медленно поднялась кикимора, но внутрь не пошла, а встала как вкопанная на пороге, не двигаясь.

- Ну что ты как неродная? Заходи в дом, не бойся, все уже спят, - позвал Пафнутий откуда-то из темноты.

Мокша вышла из оцепенения, перешагнула через порог. Пафнутий уже хлопотал за печкой: кипятил чайник, гремел кружками, напевая себе под нос. Кикимора не торопилась. Медленно прошлась по дому, оглядывая все как в первый раз, зачем-то водила руками у окон, дверей, временами передергиваясь, и вообще вела себя очень странно. "Наверное, сильно ее эта ведьма приложила", - думал домовый, тихо сочувствуя и жалея, что не смог оказаться рядом в нужный момент и помочь, а прохлаждался вместо этого с лешим внутри леса и дивился, какие все вокруг черно-белые. Мокша тем временем подошла к кровати Степана, постояла над ним, потом постояла у Олеси и двинулась к колыбели. Пафнутий тихо наблюдал за ней из-за печки. Что-то его настораживало, что-то было не так, не срасталось. "Соскучилась, наверное, после такого. Переосмыслила много. Ходит теперь, смотрит на мир новыми глазами", - думал Пафнутий.

Путята бежал по лесу, скрипя коленями и порой спотыкаясь. Спешил найти место, где столкнулись кикимора с ночницей. Он слышал, что сказала Мокша, помнил, о чем сообщил лес. В том и другом понятного было мало. Деревья говорили о встрече у Черного леса, кикимора - про болото, а оно от границы со скверной ой как далеко. Лес врать не может, да и у болота никаких следов нет - леший уже проверил. Пафнутий что - тюх-матюха, уши развесил, а Мокша ведь что-то недоговаривает, скрывает. Эх, знать бы точно, где все произошло - перенесся бы туда сразу, не метался бы теперь по всему лесу.

Наконец он нашел, что искал. Как раз у Черного леса. На земле темнел выжженный черный круг, от которого разило злобой и гнилью чуть не за версту. Путята поморщился. Он знал этот запах. Будто все вокруг отмирает и распадается. Такой же был у леса, когда его стала пожирать тля и скверна.

Еще издали Черный лес почуял его, заскрипел корнями, в чаще кто-то заворочался, застонал. Внутри у лешего защемило. Снова напомнило о себе чувство потери. Путята постоял немного, отдышался, погрозил кулаком Черному лесу и занялся тем, зачем пришел. Присел у круга, поводил над ним ладонью. Взял горсть земли, пересыпал из руки в

руку, пошептал что-то, поднес открытую ладонь к лицу и сдул с нее пыль. Воздух вокруг заискрился, пыль не осела, а осталась в воздухе, переливаясь разными цветами. Все это светопреставление покружило немного, а потом оформилось в картинку и показало лешему, что произошло здесь между Мокшей и ночницей.

Пафнутий забеспокоился еще больше. Мокша уж слишком долго стояла у люльки с Андрейкой, странно наклонившись, и не откликалась. Домовой подошел, позвал, похлопал по спине - кикимора нервно дернула плечом, но не обернулась. Тогда Пафнутий наклонился к ней - и отпрянул в ужасе. Лицо Мокши было перекошено, рот разzyвлен, а из него, извиваясь, к ребенку тянулись тонкие, черные жгутики. Присасываясь, точно пиявки, они начинали светиться - видно, вытягивали жизнь.

Домовой кинулся на кикимору, сбил с ног и повалил на пол. Мокша завизжала не своим голосом.

- Что визжишь, будто кишки лезут? Побудишь всех! - Пафнутий заткнул кикиморе рот ладонью и стал оглядываться. Хозяева на шум даже не пошевелились. Только сейчас домовой заметил, что вокруг Олеси со Степаном собралось какое-то зеленое марево. - Что ты с ними сделала, зараза? Отвечай!

Домовой заглянул в глаза Мокши и оторопел. Изнутри кикиморы на него пялились черные бездонные буркала ночницы.

- Вылазь из нее, слышишь, пока сам тебя не вышиб! - заорал Пафнутий.

Тело Мокши изогнулось, раскорячилось пауком и с воем прыгнуло на домового, опрокинув на пол. Кикимора била его руками, топтала ногами, возила по полу и одновременно умудрялась клацать зубами, пытаясь откусить лицо внезапно выросшими клыками. Пафнутий извивался, пытался не попасть ей на зуб, потом изловчился, схватил за горло, вдарил по зубам и пинком отправил в угол.

"Сдался мне этот огонек, зачем поперлась за ним незнамо куда?" - корила себя Мокша. После того как ночница ворвалась в нее и завладела оболочкой, кикиморе пришлось прятаться внутри самой себя. Ночница вела себя нагло, по-хозяйски. Подчиняла кикимору медленно, частями, будто смаковала. Впереди она спускала страх, который черными, без конца лающими псами гнал Мокшу, шелкая зубами, брызжа слюной и жутко завывая, заставлял бежать без оглядки. Чтобы укрыться от него, кикиморе приходилось бежать в самые закоулки своей памяти, и чем дальше она уходила, тем больше ослабевала, тем меньше могла противостоять ночнице.

Мокша долго бежала какими-то коридорами, петляла тропами и мощеными дорогами. Дороги превращались в буреломы, а те в бескрайние, цветущие поля. Откуда что берется? Каждое место было знакомо, с каждым что-то связано. Вот она с Пафнутием в

доме чай гоняет, вот они с упырями бьются, вот первая встреча с домовым, вот с Путяттой, а дальше и вовсе что-то незнакомое пошло, настолько далекое, что и не вспомнить. И все вокруг мелькало, мельтешило, изменялось до головокружения.

Кикимора остановилась перевести дух, прислушалась - никого. Осмотрелась. Пахло сыростью и землей, под ногами мокрая, скользкая трава, кое-где с потолка торчали корни, а по влажным, осклизлым стенам ручьями стекала вода. Похоже на пещеру. Или на нору... Ее нору! Где-то в глубине Мокша разглядела костерок и направилась к нему.

Приблизившись к костру, кикимора заметила у него какую-то фигуру. Вроде бы человек. Он сидел на земле и подкидывал ветки в огонь, отчего тот шипел и привередливо потрескивал. Мокша подошла ближе и, примостившись напротив, попыталась рассмотреть незнакомца. Тело его скрывало длинное темное одеяние, а лица, хоть оно и освещалось огнем, было не разглядеть, отчего человек имел вид чересчур уж зловещий и невозможно было понять, кто перед тобой - мужик или баба.

Только сейчас, ощутив тепло костра, кикимора поняла, что замерзла: ноги оледенели, тело бил колотун. До этого Мокша никогда не чувствовала холод, да и не должна была, она же кикимора! Видать, ночница отняла всю болотную силу без остатка. От этих мыслей стало совсем скверно.

- Пришла наконец! - голос был женский, не молодой и не старушачий, но знакомый и родной, откуда-то из далекого-далекого прошлого, еще того, докикиморьего.

Мокша вновь стала вглядываться в незнакомку, силясь вспомнить, откуда ее знает. Лицо вдруг стало открыто и хорошо видно - то ли женщина села ближе к огню, то ли огонь стал ярче. Но и сейчас кикимора не смогла ее разглядеть. Черты лица то прояснялись, то становились неуловимыми. Будто ускользали или пропадали, а потом снова появлялись, и никак их не получалось запомнить. Мокша встряхнула головой, сморгнула - не помогло.

- Что, совсем забыла? Не мудрено, столько-то лет, - как только голос зазвучал, Мокша будто всё вспомнила - и тут же забыла.

- Ну что ты там прячешься, выходи, не бойся, никто тебя не обидит, - сказала женщина кому-то во тьму. Там зашуршало, затопало маленькими ножками, и из-за спины незнакомки осторожно выглянуло чумазое, испуганное детское личико. Девочка настороженно посмотрела на кикимору большими глазами, улыбнулась застенчиво и опять спряталась.

- Это кто же ребенка так запугал?

- Покажи ей, - сказала незнакомка за спину.

Девочка медленно подошла к Мокше, взяла за руку - и все вокруг изменилось. Болотная нора поблекла, померкла и исчезла вовсе, вместе с незнакомкой и девочкой, только костер оставался гореть где-то там, в пустоте, будто маячок. К нему кикимора и направилась, боясь заблудиться и сгинуть в этом странном месте. А костер приближался,

становился теплее, жарче, с каждым шагом все больше и выше. Выше Мокши, выше деревьев, которые появлялись из пустоты, выше взгляда. Огонь везде, огонь повсюду, огонь не помещался в глазах. Пожар! Огромный, страшный, жадный, а внутри него дом, одинокий, посреди леса. Кикимора стала вглядываться в знакомые очертания, на глаза навернулись слезы. Вдруг она оказалась прямо в горящем доме. Маленькая, совсем ребенок. Плачет, зовет маму, а огонь подбирается ближе, обжигает кожу. В дверном проеме появляется мама, она пробирается к Мокше, спешит, спотыкается, падает, встает, идет дальше. Вот она уже близко, протягивает руки, но снова падает, придавленная горячей балкой, и больше не поднимается. Платице уже начало тлеть, когда огонь злобно зашипел и раздвинулся, пропуская темного человека...

Видение неожиданно оборвалось, и Мокша снова ощутила себя в привычном облике, все также смотрящей на догорающий дом. По испачканным сажей щекам текли слезы. Все еще было страшно. Мокша дернулась от неожиданности - кто-то положил руку на плечо.

- Матушка Мокрыня? - прошептала Мокша.

- Я не хотела, чтобы тебе снова было больно. Но ты должна была вспомнить.

- Прости. Я не узнала тебя. Я не забыла, нет. Просто... Просто запаматовала - твое лицо, голос будто стерлись из памяти.

- Ну будет, будет. Хватит реветь на сегодня, - старая кикимора прижала Мокшу к себе. - Все хорошо, так и должно быть.

- А девочка? - всполошилась кикимора. - Она вдруг пропала... это что - была я?

- Ты.

- А мама? Я что же... Как я могла ее забыть? - Мокша схватилась за голову, рухнула на колени и заревела.

- Ну, откуда ж в тебе воды-то столько? - Мокрыня присела рядом. - Не забыла ты ее.

Самое страшное не забыла, как ни старалась я...

Давно я тебя присмотрела, когда ты еще совсем маленькая была - не на кого мне было после себя болото оставить. Силы в тебе было, хоть ведром черпай. Мать твоя ведуньей знатной была: людей хворых с того света вытаскивала, предсказать что-то могла, совет толковый дать. От нее тебе сила и передалась по наследству. Кто отец твой - не знаю, но жили вы вдвоем, здесь, в лесу, отдельно от людей, чтобы не мешал никто. На этом месте теперь Степан с дочкой живет, оттого тебя в дом ихний так и тянет. Ну вот. Не нуждались вы ни в чем - люди с окрестной деревни помогали, чем могли, и мать твоя спокойно вдовством занималась, не отвлекаясь ни на что. Я за тобой присматривала, но забрать тебя до семи лет не могла - не принято так у нас. Отчего пожар случился, мне неизвестно, Путята может и знает чего, но молчит. Вспыхнуло посреди ночи, да разгорелось так быстро, что пока я с болота дошла, успела только тебя из огня вытащить. Странный пожар был, быстрый, внезапный, будто раздувал кто. За какие-то мгновенья дом сожрал... Намучилась

я тогда с тобой. Маленькая, кричишь, плачешь по мамке, не ешь, не спишь. Испугалась я, что умом ты тронешься, да сила твоя пропадет, и решила воспоминания тяжелые у тебя забрать и в болоте упрятать, чтобы не мучилась ты больше. Так я тебя и растила, а дальше...

Тут все заходило ходуном, затряслось, перевернулось. Обе кикиморы вцепились друг в друга, испуганно озираясь.

- А теперь слушай внимательно! - Мокрыня схватила кикимору за плечи. - Времени совсем мало, вишь как домовой с ночницей в твоём обличье воюют, того и гляди, поубивают кого-нибудь. Думаешь, раз ночница оболочки тебя лишила, то и силы твои забрала? Нет, не может такого быть! На испуг тебя, глупую, взяла, а ты и рада пятками посверкать. Силы-то в тебе много, а ума - не очень. Ты и есть эта сила, сама в себе. И отнять ее никому не по зубам. А сейчас беги, покуда не погиб никто.

Мокшу вдруг обуяла злоба: "А ведь и правда! Приперлась тут какая-то, раскомандовалась, хозяйничает, норовит отнять все, а я даже слова поперек не сказала!" Гнев забурился, заплескался внутри через край, наполнил кикимору пробудившейся силой. Хлынула эта сила вся сразу, оглушая, сбивая с ног - кикимора чуть не захлебнулась. По кусочкам, медленно Мокша стала отвоевывать свою оболочку, заполняя ее собой, будто костюм какой надевала - руки в руки, ноги в ноги и голову на место. Выдавливала ночницу из себя, словно хворь ненавистную, пока совсем для нее места не осталось.

Выбросило ночницу из кикиморы черным комком. Пролетела она через всю комнату - и угодила прямым в зеркало.

- Ой беда, разобьет ведь! - зажмурился домовой в ожидании.

Тишина.

- Эй! - затормошила Мокша Пафнутия. - Да открой ты глаза наконец!

- Подожди, еще звона не было.

- Не будет звона. Подзатыльник могу дать - зазвенит не хуже. Смотри, пропала она!

- Как пропала? Куда? - вытаращил глаза домовой.

- В зеркало. Летела-летела и провалилась! Внутрь! Только как так вышло...

Подошли к зеркалу, сняли со стены, покрутили, повертели - все как обычно, повесили на место. Осмотрелись - марево над хозяевами поблекло, Андрейка запыхтел, заворочался, стал хныкать. Пафнутий озадаченно оттянул бороду, задумался. И вдруг как хлопнет в ладоши, расплывшись в улыбке. Мокша со страха чуть сама в зеркало не прыгнула.

- Ты что творишь, рожа оголтелая!

- Понял! - ответил домовой. - Ты ее, Мокшенька, из себя прогнала, а в свою оболочку нарядиться она не успела, вот и засосало ее в зеркало, как душу усопшую. Так-то!

Пафнутий погрозил кулаком в сторону зеркала и пошел к хозяевам, пританцовывая.

А Мокша все стояла у зеркала и всматривалась внутрь, будто что-то увидела.

- Слишком просто... - пробубнила кикимора.

- Что?

- Просто все слишком. Мы всю весну за ней бегали, да изловить не могли. Огород наизнанку вывернули, Путята по червям ее отлавливал, моей оболочкой завладеть смогла, а нужно было только зеркало ей на уши одеть?

- Ай! Ладно тебе. Из зеркала так просто не вылезешь - такие лабиринты... Я сам не бывал там, но не зря же зеркала занавешивают, когда умирает кто. А попадешь туда - так и будешь блуждать, пока время не кончится. От такой злыдни избавились! Не портить праздник. Пойдем лучше в гости к тебе, ты давно зовешь нору свою смотреть. Я вареньица с собой прихвачу. А дома завтра приберусь. Не буду сегодня работать - без меня управятся.

Пафнутий, пока говорил, и хозяев успел проверить - живы ли, и за печку слазил, банку с вареньем достал, и направился было на выход, как вдруг что-то завывало. Дом затрясся, заходил ходуном. Обернулся домовый - Мокша все так же стоит перед зеркалом, а оно рябью покрылось, будто вода. Поверхность вздулась, пошла пузырями, а изнутри ударило, словно в двери кто-то ломился, да так, что с полок все посыпалась.

Кикимора попятилась, но тут ударило с новой силой. Внутри зеркала что-то хрустнуло, треснуло, а отражение в нем сменилось снежным пейзажем. Мокша с Пафнутием от удивления рты пораскрывали, уставились на чудо во все глаза. Пейзаж вдруг застило черным, и это черное медленно, словно кисель, стало перетекать наружу.

Ночница черной жижей переваливалась через край, тут же покрываясь оболочкой. Рука ее вытянулась из зеркала, раскорячилась, уперлась в стену и стала вытягивать за собой остальное.

- Смотри, как ей назад-то хочется. Тьфу! Сгинь ты уже, зараза! - рявкнул домовый и запустил в зеркало банкой с вареньем.

Зеркало со звоном разлетелось, изнутри него раздался крик, а руку, что ночница наружу высунула, в тот же миг затянуло обратно.

- Ну, теперь-то все, что ли? - спросила кикимора.

- Еще нет, - Пафнутий указал на пол.

Осколки зеркала светились, немного подрагивая, а внутри что-то металось, будто тени какие.

- А вдруг из каждого по мелкой ночнице повылазит - что мы тогда с ними делать будем? - спросила Мокша.

Домовой посмотрел на нее: не шутит ли? Нет. Подумал - и сам испугался: кто этих ночниц знает, из зеркала ведь почти выбралась.

- Эй, веник-лентяй! - скомандовал Пафнутий. - Хватит в углу прохлаждаться, ну-ка, поработай давай, и друга своего прихвати!

В углу зашуршало, и из темноты, лениво вышагивая на веточках-ножках и волоча за собой совок, появился веник. Вид у него был заспанный и немного потрепанный, но при виде такого беспорядка оба оживились и стали ловко все сгребать-собирать.

- Первым делом зеркало битое, только живо! Остальное потом.

Пока они прибирались, домовый подошел к печке, открыл заслонку и гаркнул внутрь: "Гори!" В печке тут же затрещало, заплясали язычки пламени, повалил дымок. Обдало жаром.

Пока Пафнутий колдовал с печкой, веник уже протягивал совок, полный осколков. Домовой тут же отправил их в огонь.

- Ну вот, Мокшенька, сейчас зеркало закоптится, перестанет отражать, и ворота сюда закроются.

- Теперь все, - в открытой форточке с улицы показалась голова Путяты.

- Вот ты где, хрыч старый! Тебя где носило? Помочь не мог? - завелась Мокша.

- Тихо, тихо, как же я помогу, ежели в дом не войти? Меня же не звал никто. Не мои это уголья, а домового. А он меня не приглашал, - леший пожал плечами. - О! Смотри, хозяева просыпаются! Мне пора, - и голова исчезла.

Степана разбудил грохот. Было жарко, голова жутко болела, в горле пересохло, а глаза вообще не открывались, хоть руками раздирай. Как с похмелья. С трудом сел на кровати, поднялся, да чуть не упал. Захворал, что ли? Кое-как разлепил глаза. Вот те на! Дома полный кавардак: посуда побита, стулья перевернуты вверх дном, рама от зеркала разворочена, только осколков не видать. Зеркало разбили - жди теперь беды! А в довершение всего сидит кошка, мурлычет и, вот чудная, из банки разбитой варенье вылизывает.

- Ты что же это творишь, паршивка? - сон со Степана как рукой сняло. - Ну-ка марш на улицу, и чтоб в доме я тебя больше не видел!

Степан схватил кошку за шкурку, подошел к двери и вышвырнул ее наружу, плюнув вслед с досады. Кошка долетела до конца огорода, мякнув, шлепнулась на землю и, перекувырнувшись через голову, снова обернулась в Пафнутия. Домовой поднялся с земли, сопя и отряхиваясь, обернулся, с обидой посмотрел на дом и поплелся, осунувшись, в лес, в сторону болота.